

© 2003 г. О. А. ТЕУШ

ЭТИМОЛОГИЗАЦИЯ ФИННО-УГОРСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ*

В середине 80-х годов XX века О Н Трубачев, анализируя состояние лингвистических исследований, отметил тенденцию к "резкой семантизации языкознания", в том числе этимологии (см [Трубачев 1985 15]) Семантический анализ уже давно является обязательной составляющей этимологического исследования, а в последние десятилетия входит в число приоритетов По классификации В Н Топорова, современная этимология переживает период, для которого характерна «преимущественная ориентация на семантику, на значение – смысл, на результаты, достигнутые в области диахронической и синхронической семасиологии и формулируемые в виде семантических "почти универсалий", фреквенталий и шире – типовых схем "смысло-производства" и более или менее индивидуальных решений в области семантических мотивировок тех или иных смысловых концептов» [Топоров 1994 126] На значимость учета регулярных семантических связей при этимологической интерпретации слов неоднократно указывали в своих работах О Н Трубачев [Трубачев 1964, 1976, 1980, 1988] и другие исследователи, осуществляющие составление "Этимологического словаря славянских языков" (см, например [Варбот 1986, 1992, Меркулова 1988, Петлева 1972, 1984]) Можно говорить о том, что этимологизация "от семантики" является в настоящий момент основой исследования слов исконного фонда

Для выяснения происхождения заимствованных слов русского языка ориентация на семантику еще не стала доминирующей этимология заимствований на шаг отстает от исследований исконной лексики и отталкивается прежде всего от фонетики (фонетические соответствия, фонетическое подобие), словообразования и изучения ареалов. Между тем усиление внимания к семантике заимствования и использование при этимологизации результатов семасиологии могут предоставить новые возможности как для верификации предлагающегося объяснения, так и для его нахождения.

Сказанное в полной мере относится к интерпретации финно-угорских заимствований в русском языке и, в частности, заимствованной географической терминологии Возможности этимологизирования от фонетики", на основе прямого сравнения лексем русских говоров с данными возможных языков-источников или языков, родственных таковым (прибалтийско-финских, коми, марийского), в настоящий момент практически исчерпаны корпус лексем, имеющих объяснимые соответствия в фонетическом облике и тождество в семантике с финно-угорскими словами, в целом определен (см [Kalima 1919, 1927, Itkonen 1931, Матвеев 1959, 1964, 1973, 2001, Мызников 1994, Попов 1955, 1957, Сало 1966, Субботина 1984, Востриков 1980] и др.) Возможно, некоторые этимологические решения могли бы возникнуть благодаря введению в научный оборот новых материалов по финно-угорским языкам, и, прежде всего, диалектных словарей Определенных успехов в этом направлении также еще можно добиться при интерпретации новых материалов по русским диалектам,

* Статья подготовлена при поддержке Минобразования России (грант PD02-3 17-5)

которые опубликованы недавно [НОС, СРГК] или только частично [АОС, СВГ, СГРС] и, следовательно, недостаточно исследованы.

В перечисленных источниках, прежде всего, обнаруживаются лексемы, которые дополняют представления о выявленных ранее географических терминах, заимствованных из финно-угорских языков. Так, Я. Калимой была интерпретирована как прибалтийско-финское (скорее всего, вепсское) заимствование лексема *nūdác* ‘рукав реки, протока’, ‘речной залив’ (< вепс. **pudas*, ср. фин. *pudas* ‘залив’, ‘рукав реки’) [Kalima 1919: 188]. А.Л. Шилов приводит как связанный с этим гидроним *Пудость* (приток Ижоры) [Шилов 1999: 81], что подтверждается отмеченным в НОС с той же финалью *nūdostʹ* ‘водный проток’ [НОС 9: 57].

С ливв. *uurdo*, *uurdain* ‘промоина’, люд. *uurdam* ‘топкая ложбина’, вепс. *urdam* ‘промоина’, фин. *urtti* ‘узкое глубокое русло в пороге’, ‘плохая дорога’ [Мамонтова, Муллонен 1991: 98] связывается русское архангельское *ýrdega*, *ýdrege* ‘пробитый во льду путь, канал для прохода лодок’ (этимология Я. Калимы [Kalima 1919: 234]). Н.Н. Мамонтова и И.И. Муллонен полагают, что в это же гнездо могут входить вепсское *urtik* ‘родник; топкое, вязкое место в лесу; яма с водой в лесу; вязкое дно’ и заимствованное в русские говоры Карелии *уртак*, *утрак* ‘углубление дна озера, яма’ [Мамонтова, Муллонен 1991: 98], к которым можно добавить в топонимии Архангельской области название покоса *Уртаки* [ТК ТЭ]. Этот ряд может быть расширен благодаря фиксации в НОС термина *уртén* ‘глубокая яма, обрыв’ [НОС 11: 96], фонетически сопоставимого с финскими и вепскими данными, а по финали, вероятно, отражающего взаимодействие с русским *вертén* ‘водоворот в реке’, ‘неровное, с ямами место’, не отмеченным в НОС, но зафиксированным в архангельских и вологодских говорах [ЛК ТЭ].

Новые материалы содержат также термины, выявлявшиеся ранее только в топонимическом употреблении. Отмеченное в СРГК слово *nóga* ‘речной залив’ [СРГК 4: 603] сопоставимо с фин., карел. *pohja*, ливв. *pohju*, люд. *pohdʹ*, *pohj*, вепс. *pohdʹ*, *pohj*, *pohg* ‘основание, дно; крайняя часть, конец’ [SKES; 587–588; SSA II: 383]; с точки зрения семантики интересно ижор. *pohjukka* ‘маленький залив’ [SSA II: 383]. Запись этого апеллятива подтверждает интерпретацию форманта *-нога* в субстратной топонимии Русского Севера (см. [Матвеев 2001: 242–243]), и финали лексемы *kúynoga* (*kúynaga*, *kúynuga*, *kúynak*, *kúynaka*, *kúykana*, *kúynoka*) ‘берег моря, обнаженный отливом’, ‘уровень воды между отливом и приливом’, ‘убыль воды во время морского отлива; время отлива’ [СРНГ 16: 30; ЛК ТЭ], которая связывается с фин. *kuiva pohja* ‘сухое дно’ [Kalima 1919: 135] (ср. также карел. *kuivapohja* ‘с сухим дном, с сухой почвой’ [KKS II: 410]) подвергшимся стяжению. Название реки *Нева* связывается с фин. *Nevajoki* от *neva* ‘болото’ [Фасмер III: 54]. Эта топонимическая этимология подтверждается отмеченными в лексике новгородских говоров лексемами *нёвий* ‘болотистый’, *нёвья* ‘моховое болото’ [НОС 6: 33, 35], которые безусловно связаны с карел. *neva* ‘водоем’, ливв. *neva* ‘водоем, река’, ‘топь, трясина’, фин. *neva* ‘открытое, обычно безлесное болото’, ‘топкое болото’, ‘болотистый луг’ [SSA II: 215]. Термин встречается также в топонимии Архангельской области: пожня *Нёвы* (Лешуконский район). Таким образом, география бывшего распространения слова охватывает весь Европейский Север России.

Введение в научный оборот новых материалов по русским диалектам позволяет выявить некоторое количество не интерпретировавшихся ранее географических терминов (как правило, имеющих очень ограниченное распространение), находящихся в прямом соответствии в финно-угорских языках. Лексема *ляхта* ‘сырое место’, записанная в Красноборском районе Архангельской области [ЛК ТЭ], может быть сопоставлена с карел. *lähte*, люд. *lähte*, *lähte*, вепс. *lähte*, *lähte*, *lähtä* ‘источник, ключ, родник’ [Мамонтова, Муллонен 1991: 57] при учете перехода ‘ключ’ > ‘место, где бьют ключи’ > ‘сырое место’. Прибалтийско-финское происхождение имеет также термин *лётяга*, *лятёга* ‘лужа’, ‘топкое место, топь’ [ЛК ТЭ; СРГК 3: 119]: зафиксированное в небольшом ареале (Белозерский район Архангельской области, Кондопожский и Медвежьегорский районы Карелии) это слово находит прямое соответст-

вие в карел. *lätäkkö*, *lät'äkkö*, ливв. *lätäkkö*, *lätikkö*, люд. *lätäkk(ö)*, *lät'äkkö*, вепс. *lat'ak*, *lätäk*, *lät'ik*, *lei'ak*, *lät'ik* 'лу́жа; (небольшой) водоем' [Мамонтова, Муллонен 1991: 58].

С некоторыми комментариями в фонетике и семантике может быть проинтерпретирован в качестве прибалтийско-финский термин *мэ́льма* 'песчаный намывной остров (или отмель) на реке' (Холмогорский район Архангельской области), имеющий вариант *кэ́льма* (Плесецкий район Архангельской области). Фонетически наиболее близким является фин. диалектное *tölmä* 'высокий берег реки; береговой обрыв, круча; гора, пригорок; склон, косогор', которое представляет собой вариант фин. *törmä*, *termä* и родственно карел., ливв. *termä*, *t'ermä* 'то же', саам. *terbme* 'крутой пригорок, береговой обрыв', *tier'B'mie*, *tier'me*, *termi* 'холм, гора на дороге', *tier'm* 'небольшая гора, горка', *te'm* 'крутая гора', *t'err'm* 'каменистый склон к озеру' [SSA 3: 363; Мамонтова, Муллонен 1991: 94–95]. Семантически сопоставление оправдано: переход 'гора, горка' > 'остров, мель на реке' известен. Если предложенная этимология верна, то вариант *кэ́льма* представляет собой продукт дальнейшей фонетической трансформации, явившейся результатом мены *m'/k* в начале слова, известной в севернорусских диалектах¹.

Приведенные примеры демонстрируют случаи редкой в современной этимологии финно-угорских заимствований возможности интерпретации слов путем прямого сопоставления, между тем количество лексем, не нашедших пока убедительного объяснения, очень велико. Ощущающаяся необходимость поиска иных подходов к этимологии заимствований может быть реализована в широком внедрении приемов семантического анализа, уже опробованных при интерпретации исконной лексики. Безусловно, говорить о том, что этимологизация финно-угорских заимствований "от семантики" не производилась, нельзя; А.К. Матвеевым была предложена и опробована процедура семантического моделирования при интерпретации субстратных топонимов [Матвеев 1967; 1976]; тот же автор использовал метод этимологизации с опорой на семантические универсалии при исследовании апеллятивов, таких как *зырянин* [Матвеев 1984], *чильма* 'глубокая яма на болоте' [Матвеев 1978], *челпан* 'холм, бугор' [Матвеев 1975] и др. Вместе с тем приоритетной при этимологии заимствований из финно-угорских языков ориентация на семантику еще не стала.

В этимологии подход "от семантики" так или иначе сводится к семантической реконструкции. Если при интерпретации исконного слова реконструкция ведется, как правило, в рамках лексики одного языка или родственных языков, то при этимологии заимствований, а особенно субстратных включений, в процедуре задействуется несколько сфер: семантика языка-реципиента, семантика языков, привлеченных для сопоставления, предполагаемая семантика языка-субстрата. При анализе всех трех сфер возникает три уровня допущений, что в значительной степени снижает надежность семантической реконструкции. Возможно, именно поэтому семантический анализ, продуктивность которого доказана при этимологизации исконной лексики, столь мало используется при интерпретации финно-угорских заимствований.

Не ставя перед собой задачи охарактеризовать все возможности семантического подхода при этимологизации лексем, заимствованных из финно-угорских языков, рассмотрим несколько севернорусских географических терминов, для выяснения происхождения которых решающим или верифицирующим является анализ семантики.

Долгое время одним из самых загадочных географических терминов в говорах Русского Севера являлось слово *ра́да* 'низкое, сырое, заболоченное место, поросшее кустарником и/или мелким лесом', 'труднопроходимая лесная чаща на сыром месте' [ЛК ТЭ; СРНГ 33: 245]. И.Я. Калима и М. Фасмер причисляли его к заимствованиям неясного происхождения [Kalima 1919: 209; Фасмер III: 429]. Все последующие попытки выяснения происхождения термина не дали убедительных результатов: сопо-

¹ При частоте первичного варианта с начальным *к'*, переход с обратным направлением *т' > к'* также встречается, см. подробнее [Рут 1981: 67].

ставление с карел. *reäädä*, фин. *räättä*, род. пад. *räädän* 'смешанный лес из ели и сосны', невозможное с точки зрения Я. Калимы, но поддержанное впоследствии В.И. Лыткиным, Е.С. Гуляевым [КЭСК: 239] и А.Е. Аникиным [Аникин 2000: 462] проблематично прежде всего в фонетическом отношении; связь с фин. *raate* 'вахта трехлистная, трифоль' [Михайлова 1986: 82–83] сомнительна семантически; происхождение из фин. *raita*, карел. *raid* 'выгон, пастбище' [Ивашко 1958: 89] необъяснимо как с точки зрения фонетики, так и семантики. Ключом к интерпретации слова может являться предположение о том, что слово заимствовано из вымершего финно-угорского языка, в котором существовала лексема, имевшая не только объяснимые фонетические отличия от слов современных языков, но и иную семантику. Анализ семантических моделей, порождающих значение 'низкое, сырое, заболоченное место, поросшее кустарником и/или мелким лесом', показывает, что в качестве источника во многих случаях выступает первичное 'грязь, ил, слякоть', ср., например, фин. *rapa* 'гуща, густой осадок', 'грязь, слякоть', 'ил, тина, болотный ил', ливв. *rapa, raba* 'то же', люд., вепс. *raba* 'гуща, густой осадок' [SKES: 735] > фин. *rapa* 'воднистая болотистая земля', *rapakko, ropakko, rapeikko* 'лужа, болотистое место', карел., ливв. *rapakko, ropakko* 'грязное место, лужа' [SKES: 735] > русск. *ránaga* 'труднопроходимое заболоченное место, поросшее мелким лесом, кустарником' [ЛК ТЭ]; фин. *loka* 'грязь, слякоть', ливв. *loga* 'грязь, слякоть, мокрота', люд. *loga* 'слизь, сопля' > вепс. *loga* 'небольшая долина в глухом дремучем лесу', 'ложбина, овраг, низина', 'сырое болотистое место', карел. *loka, loga* '(обычно низкий, сырой) покос', 'грязь, лужа' [SKES: 301; SSA II: 89] и др. Источником русск. *ráda* также могла быть лексема с исходным значением 'грязь, ил, слякоть', и эта смоделированная лексема действительно существует: карел. ливв. *redu* 'грязь, слякоть', люд. *redu* 'грязь', вепс. *redu, ředu* 'грязь, ил' [SKES: 773], ср. также ижор. *retu* 'грязь, слякоть' [SSA III: 68]². Если это построение верно, то в фонетике слова мы имеем дело с соответствием прибалтийско-финского *e* русскому *a*, которое было выявлено А.К. Матвеевым [Матвеев 1968: 121–126].

Анализ семантических моделей может не только выводить на этимологию заимствования, но и способствовать выбору одного из различных фонетически возможных сопоставлений. Для записанного в Шенкурском районе Архангельской области термина *лándук* 'полоса поля, клин' [ЛК ТЭ] находятся различные объяснения. Во-первых, может быть обнаружена связь с фин., ижор., карел. *lanttu* 'брюква' [SSA II: 46]. В этом случае в финали следует предполагать собирательный суффикс *-kko* и исходную семантику 'часть поля, засаженная брюквой, брюквище'. Здесь возникает два возражения: суффикс *-kko* не отмечен в прибалтийско-финских языках в лексемах, номинирующих поля по видам высаживаемых культур; в русском языке термины полеводства, образованные от названий растений (*овсище, ржище, гороховище* и др.) не развивают нейтрального значения 'часть поля'. Во-вторых, для интерпретации рассматриваемого полеводческого слова могут быть привлечены фонетически близкие географические термины финно-угорских языков: карел. *lantto* 'низина, ложбина', 'низменный, низкий', фин. *lanto* 'низкое сырое место', *lantto* 'ложбина, лужа', мар. *landaka* 'небольшая низина, ложбина; низкое место в лесу' [SSA II: 45]. При безупречности фонетической стороны этимологии, есть семантическое несоответствие: полеводческие термины, образованные от географических, обычно сохраняют в качестве компонента исходную семантику, и в данном случае следовало бы ожидать значение 'часть поля, находящаяся в низине'. Наиболее реальной представляется третья версия: источником заимствования для русского *лándук* могла являться лексема исчезнувшего финно-угорского языка, родственная мар. *лóндык* 'пласт, слой' (в других формах: *лóнчо, лóнчык, лánзы* 'слой, отложение') [МРС: 295, 280].

² Семантическое и фонетическое обоснование этимологии лексемы *ráda* см. подробнее в [Теуш 2002].

Семантически сопоставление обоснованно: в качестве параллели образования по модели 'пласт' > 'часть поля' можно привести русск. диалектное *пласт, пластьина* 'часть поля; земельный участок', широко распространенное в севернорусских говорах [ЛК ТЭ; СВГ 7: 63; СРГК 4: 532–533].

Исследование универсальных и собственно русских семантических моделей в применении к интерпретации заимствованных слов позволяет решить проблему ложных омонимов-заимствований и связать воедино кажущиеся семантически разнородными факты. К примеру, зафиксированное в Холмогорском районе Архангельской области *várda* 'место впадения одной реки в другую' [ЛК ТЭ] не следует отделять от более распространенного архангельского *várda* 'дранка, прут, вица, используемые при плетении чего-либо (корзин, ловушек на рыбу и др.)' [ЛК ТЭ]. Последнее, по этимологии А.К. Матвеева, связано с фин. *varras*, люд. *vardaz*, эст. *varras* 'жердь, жердочка, колышек, палочка, вертел' [Матвеев 1997: 131]. Перечисленные лексемы производны от фин., карел. *varsi*, люд. *varž*, вепс. *varž*, эст. *vars* 'стебель', 'рукоятка, черенок'; в финском языке отмечено производное значение *varsi* 'край, кромка, обочина (реки, дороги и т.п.)' [SSA III: 412], ср. ливв. *varzi* 'край, место вдоль чего-л.' [СКЯ: 41]. Связь значений 'дранка, прут, вица', 'стебель' и 'место впадения одной реки в другую' укладывается в известную как русскому, так и финно-угорским языкам модель 'ветвь растения' > 'приток реки, ответвление дороги'. Этот семантический переход отмечен и в семантике других финно-угорских заимствований, ср.: русск. *сóra* (*сórка*) 'развилка древесного ствола, ветки', *сóra* (*сórка, сórочка*) 'развилка дороги', *сóra* (*сóriца, сórка, сóры*) 'место слияния рек' [ЛК ТЭ] ~ фин. *saara*, карел. *šoara, šuara*, ливв. *šoaru, šuaru*, люд. *suar*, вепс. *sar* 'разветвление, ветвь', саам. *siđrr^e, suor^r, sŭrr^e* 'ветвь, развилка', 'ответвление реки' [Матвеев 2001: 277]; русск. *вóжка* (*вóженька*) 'тропинка' [ЛК ТЭ] < коми *вож* 'ответвление, отросток, отпрыск, побег', 'развилка, развилка, приток', *вожка* 'развилка, рогулина, рогуля' [КРС: 116], ср. *туй вож* 'перекресток, развилка (дороги), распутье', 'ответвление дороги, ветка', где *туй* 'дорога, путь' [КРС: 693].

В качестве примера интерпретации ложных омонимов могут быть также рассмотрены два севернорусских полеводческих термина, имеющих в конечном итоге финно-угорские истоки. В СРГК лексемы *кавіна* 'участок для покоса' и *кавіна* 'кол, жердь или бревно, вбитые в землю' подаются как омонимы [СРГК 2: 309]. Последнее образовано от *кава* 'то же', восходящего к вепс. *kavi*, карел. *kuavi* 'кол, шест' [Фасмер II: 147, 152]. Связь между этой лексемой и *кавіна* 'участок для покоса' опосредована промежуточным *кава* 'кол, служащий границей участка' [СРГК 2: 308; СРНГ 12: 288]. Логика развития значений соответствует русскому *кол* 'палка, жердь определенной длины, употребляемая для измерения земельных участков (при разделе земли)' > 'земельная мера (при разделе пахотной земли, сенокосных угодий и т.д.)' > 'земельный надел; определенное количество пахотной земли, луга, покоса' [СРНГ 14: 109]; ср. также *пáлка* 'мера земли' [СРГК 4: 381]. Полеводческий термин *сябра́* 'общий сенокосный участок, на котором работают коллективно', записанный в Вытегорском районе Вологодской области [ЛК ТЭ] должен рассматриваться как производный от *сябра́* 'община', 'коллективный труд, общее дело' (< вепс. *šebra-* (*šebra-*) 'коллективная работа' [Kalima 1919: 214–215], ср. в современных источниках: вепс. *sebr* 'сообщество, артель; работа сообща', *sebrñit* 'совместная пожня', *sebrpalo* 'совместная пожога' [СВЯ: 502]). Прямая семантическая параллель в русском языке обнаруживается в архангельском *обчинá* 'участок земли, которым пользуются сообща группа лиц, иногда целая деревня или несколько деревень' [Куликовский 1898: 69], производном от *общий* 'совместный, коллективный, групповой'.

Наряду с выявлением ложных омонимов, скрупулезный анализ семантики заимствования позволяет выявить и случаи ложной многозначности, исторически представляющие собой этимологическую омонимию. Слово *сельга́* подано в словаре В.И. Даля в отдельной статье со значениями 'лес', 'посека, рбсчисть, огнище, чищоба, кулига' и имеет помету 'олонецкое' [Даль IV: 172]. Указывается также, что лек-

сема встречается в названиях селений. Эта информация достаточно скудна и не дает возможностей для развернутой интерпретации. Расширяет представления о слове Г. Куликовский, который в одной словарной статье приводит те же значения, но пытается объяснить и связь между ними: "*сѣльга* – продолговатая возвышенность, поросшая лесом; в Олонецкой губернии, стране озер и болот, такие возвышенности играли большую роль, на них селился олончанин и поселки свои именовал, прибавляя к тому или другому слову, характеризующему поселок с какой-либо стороны, слово *сѣльга*... Немало селений, которые зовутся просто *сельгой*; на таких возвышенностях приходилось делать подсеки, почему название *сѣльга* иногда обозначает место, расчищенное ради посева хлеба" [Куликовский 1898: 106]. Я. Калима, этимологизируя лексему, возвел ее во всех значениях к фин. *selkä*, карел. *selgü* 'спина, кряж' [Kalima 1919: 215], с чем согласился и М. Фасмер [Фасмер III: 597]. Эту этимологию поддерживают все современные исследователи финно-угорских заимствований в русском языке, однако в нее стоит внести коррективы. Значения 'лес' и 'продолговатая возвышенность, поросшая лесом' достаточно хорошо объясняются из финских и карельских данных, а вот переход 'возвышенность' > 'подсека' выглядит менее обоснованно: номинации подсеки в большинстве случаев отражают действия, связанные с ее разработкой либо качества подсеки по ее использованию в сельскохозяйственном обороте (см. подробнее анализ мотивационных моделей в [Смирнова 2001: 12–69]). Заложенное В.И. Далем и Г. Куликовским рассмотрение слова *сѣльга* (*сельгá*) как многозначной, но единой лексемы, не позволило этимологам обратить внимание на вепс. *sel'g'it'ez* 'росчисть (расчищенное место в лесу для пожни)', *sel'g'itada* 'чистить, очищать' [СВЯ: 504–505], к которому следует возвести русское *сѣльга* (*сельгá*) 'посека, росчисть, огнище, чищоба, кулига'. С точки зрения образования, та же модель воплощена в русских диалектных *чѣсть*, *чѣща*, *чѣстеница*, *чищенїна*, *чищенница* и др. 'участок, расчищенный в лесу под поле, покос; подсека' [ЛК ТЭ]. Контаминация двух различных источников русского *сѣльга* (*сельгá*), возможно, произошла уже в момент заимствования: различные слова, близкие по звучанию, были восприняты в русском языке как одно.

В ряде случаев только анализ семантики позволяет предпочесть версию об исконном или заимствованном характере русского слова. Записанное в Верхнетоемском и Пинежском районах Архангельской области слово *хáлья* 'бугор, возвышенность', 'островок на болоте', 'массив строевого леса', имеющее редко фиксируемые значения 'пустое, лишенное растительности место', 'пожарище' [ЛК ТЭ], может быть отнесено к дериватам праслав. **chal-/chol-* с исходным глагольным значением 'чистить', 'стричь, резать' [ЭССЯ 8: 61]. Однако все основные значения слова содержат компонент 'высокий, возвышенный', что не вписывается в семантику праславянского корня. Для этой локально зафиксированной лексики следует предпочесть сравнение с семантически тождественными карел. *harja*, *harju* 'вершина, гребень (горы); холм, гора; песчаная отмель', ливв. *harju* 'возвышение, верхушка чего-либо (напр., горы, борозды)', фин. *harja* 'вершина, гребень горы', *harju* 'песчаная отмель, низкий горный кряж' [Мамонтова, Муллонен 1991: 27]. В прибалтийско-финских языках термин метафоричен: он произведен от карел. *harja*, ливв. *harju*, вепс. *harj*, фин. *harja* 'грива (лошади)', 'щетина (свиньи)', 'гребень (петуха)' и т.п. [SKES: 58]. Эта метафора является семантической универсалией и известна также славянским (*грива*, *гребень*) и другим языкам (см., например [Невская 1977: 163–164]). Переход *r > l* в лексеме *хáлья* мог произойти еще на почве языка-субстрата, ср. колебание *r/l* в фин. *patero/patelo*, *kukkula/kukkura* [Мамонтова, Муллонен 1991: 45], либо на русской почве, ср. *ня'лега/ня'рега* 'ряска на поверхности воды'; другие примеры см. также в [Мызников 2000: 89–91].

Структура лексики *пáдера* 'трясина', 'река с вязким дном', 'низина, промытая дождевой водой' (Халтуринский район Кировской области) [ЛК ТЭ] может быть проинтерпретирована на русской почве: архаичная приставка *па-* и корень *-дер-* 'драть'. Этой версии противоречит, однако, то, что многочисленные дериваты пра-

славянского **derti*, **dbrati*, имеющие географическое значение, тяготеют к наименованиям сельскохозяйственных угодий (подсек) или лесной чащи, зарослей и никогда не обозначают низких, вязких, сырых мест (см. [ЭССЯ 4: 206–214; 5: 216–227]). Возможно, источником рассматриваемого слова послужила лексема финно-угорского языка, сопоставимая с карел. *patero*, *padura* ‘небольшое углубление, яма’, фин. *patero*, *potero* ‘небольшое круглое углубление или яма (например, в глине, камнях, скале)’, *patelo* ‘небольшая низина’ [SKES: 502], по крайней мере, близость фонетики и семантики русского и прибалтийско-финских слов очевидна. В пользу сопоставления с финно-угорскими данными записанная в Вельском районе Архангельской области лексема *pámpровина* ‘сырое, болотистое место’, которая может иметь близкий источник.

При контаминации исконной и заимствованной лексемы определение истоков того или иного значения встречает наибольшие трудности и здесь определенную роль может сыграть семантическая типология. Н.В. Галинова не без оснований считает лексему *ку́лѣга* дериватом праслав. **kul-* ‘гнуть’ и убедительно показывает, что большинство таких значений, как ‘крутой изгиб, поворот реки’, ‘участок луга, поля, покоса’, ‘рукав реки, пожни, покоса’, связаны с исходной семантикой “гнутья” [Галинова 1998: 68–71]. Вместе с тем еще Я. Калимой была отмечена связь значения *ку́лѣга* ‘деревня’, ‘куст деревень’ с фин. *kylä* ‘деревня’, карел. *külä*, вепс. *k’ül’ä*, *k’ülä* ‘чужая деревня’ [Kalima 1919: 141]. В семантике слова *ку́лѣга* есть еще одно значение, не привлекавшее пока особого внимания исследователей, но заслуживающее объяснений: ‘участок из-под леса, расчищенный под пашню’ [СРНГ 16: 60–61; ЛК ТЭ].

Как уже говорилось выше, номинации подсек очень редко обнаруживают производность от географических терминов, поэтому выведение указанного значения непосредственно из ‘участок луга, поля, покоса’, ‘рукав реки, пожни, покоса’ видится недостаточно обоснованным. На наш взгляд, на семантику слова *ку́лѣга* в ее земельно-деревенских значениях, самым распространенным из которых является ‘место в лесу, расчищенное под пашню’, а также на возникновение слов *ку́ла* ‘невыкошенный участок’ [ЛК ТЭ], *ку́лѣба* ‘старый участок’, *ку́лѣца* ‘непригодный лес’ [СРНГ 16: 60, 68] оказали влияние фин. *kulo* ‘пал, пожар’ [SSA I: 431], *kulonitty* ‘каждый второй год скашиваемый луг’ (< *kulo* ‘прошлогодня сухая (нескошенная) трава’, *nitty* ‘луг’ [SKES: 234]; фин. *kulumaa* ‘овсяное поле; низина; дважды и трижды возделанная заросшая подсека (напоследок на ней засеивается овес)’, карел. *kulumua* ‘пустошь, залежь, негодная к обработке земля’, ‘старопахотная земля; истощенная земля’, *кули-тио* ‘пал, пожар, который уже был сначала засеян рожью, засеянный овсом’, вепс. *кулита* ‘поле’ (< фин., карел., вепс. *kulu* ‘старый, изношенный, подержанный’, фин. *maa*, карел. *тия*, *тио*, вепс. *та* ‘земля’) [SKES: 235]. Интерпретация связи *ку́лѣга* ‘участок из-под леса, расчищенный под пашню’ с фин., карел., вепс. *kulu* ‘старый, изношенный, подержанный’ поддерживается аналогичными по внутренней форме лексемами русских говоров: *старинá* ‘паханная и перепашанная земля’ [Даль IV: 316], *старинá*, *ста́рица* ‘запущенная, не используемая под пашню земля’ [НОС 10: 149], *вѣтошь* ‘подсека, вспаханная не в первый год, а после годового отдыха’, ‘выпашь, вспаханная земля, требующая навоза или отдыха’, ‘заброшенная земля’, ‘запущенное поле’, ‘заброшенная подсека’ [СРНГ 4: 149], *вѣтошь* ‘поле, засеваемое не первый год’ [СРГК I: 187], ‘пахотная земля, утратившая плодородие от длительного использования’, *ветча́* ‘необработанный участок поля’ [СРНГ 4: 149].

В пользу предложенного сопоставления, возможно, также то, что фин., карел., вепс. *kulu* ‘старый, изношенный, подержанный’ родственен еще один термин – фин. *kulo* ‘прошлогодня сухая (нескошенная) трава’, карел. *kulo*, *kulu* ‘засохшая прошлогодня трава’, *kulohein* ‘с прошлого года оставшаяся незаготовленной трава’, вепс. *kulo* ‘прошлогодня трава’ [SKES: 234–235; SSA I: 431]³(> русск. *ку́ла*, *ку́лага*, *ку́ло-*

³ По мнению Я. Саарикиви, *kulo* и *kulu* могут быть связаны как архаичная и новая форма [устное сообщение].

га, ку́лига, ку́лач, ку́лача, ку́лоча, ку́лочь, ку́лоха, ку́ля, ста́рая ку́ла, ста́рая ку́лача 'прошлогодня, сухая, оставшаяся нескошенной трава' [ЛК ТЭ, СРНГ 16 50–53, СРГК 3 55–56]) [Kalma 1919 140] Дериваты русских прилагательных *старый* и *ветхий* реализуют то же самое значение (*ста́ринá ста́рица ста́рь, старье, ве́тошь, ветошь, ве́тоша, ветоша, ветча́, ве́тишá, ветша, ста́рая ве́тошь, ста́рая ве́тошь ста́рая ве́тоха* [ЛК ТЭ, СРНГ 4 198, НОС 1 120; СРГК 1 187]) Типология строения и семантического наполнения деривационных гнезд с исходным значением 'старый, ветхий' в русском и прибалтийско-финских языках при бесспорном отражении прибалтийско-финского слова в русском ку́ла 'прошлогодня, сухая, оставшаяся нескошенной трава' позволяет предполагать возможность заимствования в русский язык и земледельческой лексемы, которая претерпела формальную контаминацию с исконно русским ку́лига, сохранив значение термина подсежного земледелия, существовавшее в языке-источнике

Безусловно, интерпретации рассмотренных выше лексем представляют собой частные случаи использования приемов семантического анализа в этимологии заимствований Однако уже эти немногочисленные факты демонстрируют продуктивность подхода "от семантики" к анализу происхождения заимствованных слов Представляется, что наиболее ощутимых результатов можно будет добиться при разработке методики семантического моделирования этимона и создании своеобразной сетки исходных семем, отталкиваясь от которой можно будет осуществить поиск соответствий в финно-угорских языках и возможных заимствований в русском языке

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникин А Е 2000 – Этимологический словарь русских диалектов Сибири Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков М, Новосибирск, 2000
- Варбот Ж Ж 1984 – О возможностях реконструкции этимологического гнезда на семантических основаниях // Этимология 1984 М, 1986
- Варбот Ж Ж 1992 – Связи значений и семантическая реконструкция в этимологии // Wiener Slavistisches Jahrbuch Wien, 1992 Bd 38
- Востриков О В 1980 – Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья Дисс канд филол наук Свердловск, 1980
- Галинова Н В 1998 – Из севернорусских диалектных этимологий // Ономастика и диалектная лексика Екатеринбург, 1998 Вып 2
- Ивашко Л А 1958 – Заимствованные слова в печорских говорах // Уч зап ЛГУ № 243 Серия филологических наук Вып 42 Л, 1958
- Куликовский Г 1898 – Словарь областного олонечкого наречия в его бытовом и этнографическом применении СПб, 1898
- Мамонтова Н Н Муллонен И И 1991 – Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии Петрозаводск, 1991
- Матвеев А К 1959 – Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала Свердловск, 1959
- Матвеев А К 1964 – Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // Acta Linguistica Acad Sci Hung Budapest, 1964 T XIV Fasc 3–4
- Матвеев А К 1967 – Значение принципа семантической мотивированности для этимологизации субстратных топонимов // Этимология 1967 М, 1969
- Матвеев А К 1968 – Об отражении одного финско-русского фонетического соответствия в субстратной топонимии Русского Севера // Советское финно-угроведение 1968 № 2
- Матвеев А К 1973 – Этимологизация субстратных топонимов и апеллятивные заимствования // Этимология 1971 М, 1973
- Матвеев А К 1975 – К этимологии русск диал челпан // Études finno-ougriennes Budapest, 1975 T 10
- Матвеев А К 1976 – Этимологизация субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем // ВЯ 1976 № 3
- Матвеев А К 1978 – Русск диал чильма // Этимология русских диалектных слов Свердловск 1978

- Матвеев А К 1984 – Еще об этимологии этнонима *зырянин* // Этимологические исследования Свердловск, 1984
- Матвеев А К 1997 – Финно-угорские заимствования в говорах русского Севера 1 // Этимология 1994–1996 М., 1997
- Матвеев А К 2001 – Субстратная топонимия Русского Севера Екатеринбург, 2001 Ч I
- Меркулова В А 1988 – Проблема семантической реконструкции в этимологическом словаре // Этимологические исследования Свердловск, 1988 Вып 4
- Михайлова Л П 1986 – Географическая лексика в русских говорах Карелии (названия болот) // Севернорусские говоры в иноязычном окружении Сыктывкар, 1986
- Мызников С А 1994 – Лексика прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Обонежья Дис канд филол наук СПб, 1994
- Мызников С А 2000 – Ареальный анализ диалектного слова и некоторые аспекты этимологического исследования // Финно-угорское наследие в русском языке Вып 1 Екатеринбург, 2000
- Невская Л Г 1977 – Балтийская географическая терминология (к семантической типологии) М., 1977
- Петлева И П 1972 – О семантических истоках слов со значением 'скупой' в русском языке // Этимология 1970 М., 1972
- Петлева И П 1984 – Семантические истоки слов со значением 'бояться, пугаться' // Этимологические исследования Свердловск, 1984 Вып 3
- Попов А И 1955 – Из истории славяно-финно-угорских лексических отношений // Acta linguistica Hungaricae Budapest, 1955 Т 5
- Попов А И 1957 – Из истории лексики языков Восточной Европы Л., 1957
- Рут М Э 1981 – К этимологии севернорус *тярега кярега нидега, инега корега* // Этимологические исследования Свердловск, 1981 Вып 2
- Сало И В 1966 – Влияние прибалтийско-финских языков на севернорусские говоры поморов Карелии Дис канд филол наук М., 1966
- Смирнова О С 2001 – Термины полеводства и их отражение в топонимии Русского Севера Дис канд филол наук Екатеринбург, 2001
- Субботина Л А 1984 – Заимствования в географической терминологии Белозерья Дис канд филол наук Свердловск, 1984
- Тейш О А 2002 – К этимологии русск диал *рада* // Этимология 2000–2001 М., 2002 (в печати)
- Топоров В Н 1994 – Из индоевропейской этимологии V (1) // Этимология 1991–1993 М 1994
- Трубачев О Н 1964 – 'Молчать' и 'таять' о необходимости семасиологического словаря нового типа // Проблемы индоевропейского языкознания Этюды по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков М., 1964
- Трубачев О Н 1976 – Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований М., 1976
- Трубачев О Н 1980 – Реконструкция слов и их значения // ВЯ 1980 № 3
- Трубачев О Н 1985 – О семантической теории в этимологическом словаре Проблема омонимов подлинных и ложных и семантическая типология // Теория и практика этимологических исследований М., 1985
- Трубачев О Н 1988 – Приемы семантической реконструкции // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей Теория лингвистической реконструкции М., 1988
- Шилов А Л 1999 – К происхождению гидронимических терминов *курья, пудас режма* // Русская диалектная этимология Тез докл и сообщ Третьего науч совещания 21–23 октября 1999 г Екатеринбург, 1999
- Itkonen T I 1931 – Lappische Lehnwörter in Russischen // Suomen Tiedeakatemia Toimituksia Ser B Helsinki, 1931 Bd XXVII
- Kalma J 1919 – Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen Helsinki, 1919 (MSFOu XLIV)
- Kalma J 1927 – Syrjanisches Lehngut im Russischen FUF XVIII Helsinki, 1927

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АОС – Архангельский областной словарь М., 1980– Вып 1–
- Даль – Даль В И Толковый словарь живого великорусского языка В 4 т М., 1955
- КРС – Коми-русский словарь М 1961

КЭСК – *Лыткин В И , Гуляев Е С* Краткий этимологический словарь коми языка М , 1970
 ЛК ТЭ – Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского государственного университета (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания)
 МРС – Марийско-русский словарь М , 1956.
 НОС – Новгородский областной словарь. Новгород, 1992–1995. Вып. 1–12
 СВГ – Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983–. Вып. 1–.
 СВЯ – *Зайцева М И , Муллонен М.И* Словарь вепсского языка. Л., 1972.
 СГРС – Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург, 2001 Т. 1.
 СКЯ – Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Петрозаводск, 1990.
 СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей СПб 1994–2002. Вып 1–5
 СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л.: СПб., 1965–. Вып. 1–.
 ТК ТЭ – Топонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания)
 Фасмер – *Фасмер М* Этимологический словарь русского языка. В 4 т М , 1967–1973
 ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков М , 1975–. Вып. 1–
 KKS – *Karjalan kielen sanakirja* Helsinki, 1968 – О 1–
 SKES – *Suomen kielen etymologinen sanakirja* Helsinki, 1958–1981 О. 1–7 (LSFU, XII)
 SSA – *Suomen sanojen alkuperä Etymologinen sanakirja* О 1–3 SKST 556 Helsinki, 1992–2000.